

ІСТОРИЧНЕ ПАМ'ЯТКОЗНАВСТВО

УДК 811.161.2

А.А. НЕПОМНЯЩИЙ

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и древности Херсонеса: новые источники

На основе нового корпуса документов из Научного архива Института истории материальной культуры РАН раскрыты ранее неизвестные сюжеты взаимоотношений сотрудников Склада местных древностей (Музея в Херсонесе) с монастырем и Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины при посредничестве императорской Археологической комиссии. Впервые опубликована служебная записка руководителя раскопок Р.Х. Лёпера, раскрывающая ход археологических разысканий.

Ключевые слова: Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; Херсонес, Р.Х. Лёпер, охрана культурного наследия.

История многогранной деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины только в последние годы начинает активно разрабатываться в контексте изучения памятникоохранительной работы российской интеллигенции [1].

Общественная научная организация была образована в Санкт-Петербурге 20 октября 1909 г. Целью создания Общества декларировалась защита памятников искусства и старины, которые имели художественное, бытовое и историческое значение, на территории всей империи от разрушения и искажения. Под словом «искажение» подразумевалась неумелая реставрация. Основными задачами Общества согласно уставу было:

- 1) препятствие разрушению, поддержание и содействие сохранению в России всех памятников, которые имели художественную или историческую ценность;
- 2) широкая пропаганда уважения и любви к предметам старины и искусства;
- 3) публикация единовременных и периодических специализированных изданий;

Розділ VI

Лёпер Р.Х.

4) ходатайство перед соответствующими ведомствами и учреждениями в вопросах охраны и реставрации памятников архитектуры; 5) регистрация и учет памятников и художественных собраний в пределах страны [2].

По своему составу Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины делилось на действительных и почетных членов. Работу направлял специальный Совет из двенадцати человек, избрание которого впервые состоялось 13 марта 1910 г. В его состав вошли: председатель – Великий князь Николай Михайлович Романов; товарищи председателя – Е.Н. Волков, А.Н. Бенуа; секретарь – Н.Н. Врангель; казначей – С.В. Оболенский; члены совета –

П.П. Вейнер, В.А. Верещагин, В.А. Волкова, С.К. Маковский, А.Ф. Милютин, А.В. Муравьев, В.В. Мусина-Пушкина, О.А. Оболенская, А.В. Оболенский, А.И. Фомин, А.В. Щусев [3].

Начиная с 1912 г. начали открываться отделы Общества различных регионах страны: 1912 г. – в Смоленске (глава – М.К. Тенишева (1858–1928)); в Туле (Ю.А. Олсуфьев (1878–1937)); в Казани (А.П. Баратынский); в Вильно (В.П. Добужинский (1842–1920)); 1913 г. – в Ярославле (И.А. Куракин (1874–1950)), в Александровске (Д.Д. Сигаревич (1868–1914)), в Вологде; 1916 г. – в Бахчисарае (У.А. Боданинский (1877–1938)) [4].

В архивном фонде «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», который отложился в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН автором данного исследования выявлены новые документы, раскрывающие некоторые аспекты памятникоохранительной работы Общества в Крыму. В частности, речь идет про охрану древностей Херсонеса в бытность руководителем Склада местных древностей и заведующим раскопками Р.Х. Лёпера.

Напомним, что после смерти Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича 14 декабря 1907 г., дела Склада местных древностей вел зять покойного, музейный фотограф, штабс-капитан севастопольского крепостного пехотного батальона Вадим Николаевич Рот. Он, хотя и проводил под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича раскопки, не имел профессиональной археологической подготовки [5]. Поэтому по поручению Археологической комиссии наблюдение за ходом полевых разысканий в это время было возложе-

но на Николая Ивановича Репникова (1882–1940) [6]. Археологическая комиссия приняла решение передать руководство Складом местных древностей историку искусства Федору Ивановичу Шмиту (1877–1937). Взаимное желание Ф.И. Шмита перебраться на работу в Стамбул, а Р.Х. Лёпера, имевшего пятерых детей, вернуться в Россию, способствовало тому, что ученые поменялись местами службы [7].

Лёпер Р. Х. с гимназистами казенной мужской гимназии на раскопках в Херсонесе

Таким образом, с 1 апреля 1908 г. заведующим музеем и раскопками в Херсонесе был назначен Роберт Хрисанфович Лёпер, который находился на этом посту до 1 октября 1914 г. [8]. Даты жизни этого деятеля науки до настоящего времени определены лишь приблизительно. Так рождение его относится к 1864 [9] или 1865 [10] г., а дата смерти – к 1918 [11] или к 1920 г., согласно сообщению А. И. Маркевича на заседании Таврической ученой архивной комиссии.

Р.Х. Лёпер родился в столице Российской империи и после окончания гимназии при Историко-филологическом институте поступил в Санкт-Петербургский университет. Значительное влияние на дальнейшую судьбу студента оказали профессор В.Г. Васильевский, В.К. Ернштедт, П.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, Р.Х. Лёпер стажировался в Греции и Италии (курировал профессор Ф.Ф. Соколов). В Греции он провел около 4 лет, занимаясь историей, топографией и эпиграфикой Аттики.

Вернувшись в российскую столицу Р.Х. Лёпер непродолжительное время работал преподавателем 10-й Петербургской гимназии, а после увольнения отсюда за систематические опоздания на уроки – в частной гимназии Видемана. С лета 1896 г. он периодически подменял своего наставника В.К. Ернштедта по редактированию классического отдела «Журнала Министерства народного просвещения».

С 1901 г. Роберт Хрисанфович был приглашен на должность ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе [Бас о РАИ]. Директор этого учреждения Ф.И. Успенский, ознакомленный с топографическими изысканиями Р.Х. Лёпера в Греции, надеялся, что он займется анало-

Лёпер Р.Х. с детьми в Херсонесе

гичной работой в Стамбуле. Однако осуществить намерение о создании путеводителя по Константинополю помешали турецкие власти, которые открыто препятствовали знакомству ученых с христианскими памятниками Константинополя. ничего не получилось и из вынашиваемого проекта создания отделения Института в Афинах. В

этой связи научные исследования Р.Х. Лёпера сосредоточились на изучении нумизматических и эпиграфических памятников Малой Азии [12].

Заняв должность директора Склада местных древностей и заведующего раскопками Херсонеса, Р.Х. Лёпер принял по акту 26 витрин с различными музейными экспонатами, библиотеку, архив и ящики с материалом. Именно Р.Х. Лёпер провел первую в истории музея полную инвентаризацию всех вещей. Одновременно он работал также преподавателем латинского языка в Севастопольской гимназии. Уделяя главное внимание музею, Роберт Хрисанфович мало занимался раскопками. За 7 лет он не предоставил ни одного полного отчета, не вел полевых дневников, да и вообще редко присутствовал на раскопках, а записи вел со слов рабочих Н. Федорова и В. Логачева. Однако именно в этот период была вскрыта большая часть древнего городища Херсонеса [13]. Сохранились письма Р.Х. Лёпера к А.Л. Бертье-Делагарду [14], А.А. Бобринскому [15] и Н.И. Веселовскому [16], где он подробно сообщал о находках, акцентируя внимание на эпиграфический материал. Интерес для истории музея представляет его письмо к А.А. Бобринскому от 11 августа 1913 года, где перечислены все сотрудники музея, работавшие накануне Первой мировой войны: чертежник Мартин Иванович Скубетов, помощник чертежника Дмитрий Николаевич Косцюшко-Валюжинич, надсмотрщик Николай Федоров, старший рабочий Платон Головка, помощник надсмотрщика Василий Логачев, сторож музея Григорий Балуря [17].

Р.Х. Лёпер так и не защитил диссертации. Остались не завершенными и большая часть из его научных исследований.

Деятельность ученого на посту руководителя музея в Херсонесе внезапно оборвалась в конце сентября 1914 г. (с 1 октября отстранен официально), когда

он заступился за сына, который отказался снять фуражку перед портретом императора в канцелярии сыскной части [18]. Он вернулся в Петроград и работал преподавателем среднего учебного заведения.

Выявленные документы, которые впервые вводятся в научный оборот, как раз касаются переписки Общества защиты и сохранения в России памятников

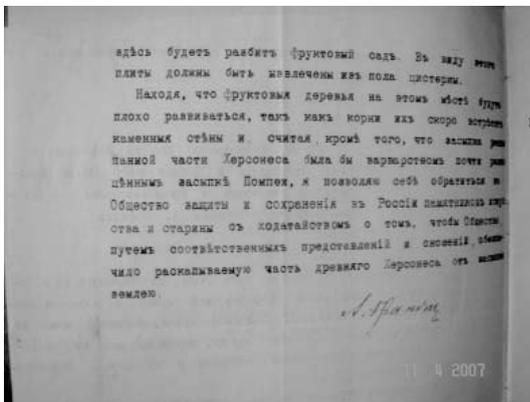
искусства и старины с Р.Х. Лёпером через посредника – Императорскую Археологическую комиссию. Документы интересны также в контексте проблемы взаимоотношения сотрудников Археологической комиссии, которой подчинялся музей и раскопки в Херсонесе, с монахами располагавшегося там же монастыря по поводу сохранения исторического наследия, которое обеими сторонами, порой, понималось по-разному [19].

В Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с официальным письмом в начале 1913 года обратился член Инженерного совета Министерства путей сообщения и Технического совета Министерства торговли и промышленности, профессор Александр Андреевич Брандт:

В воскресенье, 13 января сего года, в бытность в г. Севастополе, я осматривал Херсонесский музей и раскопки, производящиеся в Херсонесе. Сторож музея, водивший меня по раскопанной части древнего города, сообщил мне, что в настоящее время производятся раскопки и в ограде Херсонесского монастыря.

Отправившись туда, я застал следующую картину: несколько человек рабочих под руководством техника кирками вырубали большие гончарные глазированные плиты из пола цистерны, находившейся, по-видимому, при древней бане. На мой вопрос, чем вызывается такое обращение с плитами, техник ответил, что по соглашению с монастырским начальством, вся раскопанная в монастырской ограде местность после составления её описания будет вновь засыпана и здесь будет разбит фруктовый сад. Ввиду этого плиты должны быть извлечены из пола цистерны.

Находя, что фруктовые деревья на этом месте будут плохо развиваться, так как корни их скоро встретят каменные стены, и считая, кроме того, что засыпка раскопанной части Херсонеса была бы варварством почти равноценным засыпке Помпеи, я позволяю себе обратиться в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с ходатайством о том, чтобы Общество путём соответственных

Оборотный лист письма Брандта А.

представлений и сношений обеспечило раскапываемую часть древнего Херсонеса от засыпки землёю. А. Брандт [20].

16 марта 1913 г. в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с официальным письмом № 548 обратилась уже Императорская Археологическая Комиссия:

Императорская Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Общество вследствие отношения его от 13 сего марта, что заявление профессора А. Брандта ею послано на заключение члена Комиссии, статского советника Лёпера, заведующего археологическими раскопками в Херсонесе [21].

20 мая 1914 г. Императорская Археологическая Комиссия сообщала в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины:

Вследствие отношения Общества от 13 марта 1913 года, ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия имеет честь уведомить, что она телеграфировала члену своему заведующему раскопками в Херсонесе, прося ускорить отзывом на заявление профессора Брандта. Ныне Р.Х. Лёпер отвечает телеграммой нижеследующего содержания: «Засыпанные остатки не представляли археологического интереса <...> [22].

27 сентября 1914 г. Императорская Археологическая Комиссия в отношении № 2039 сообщала Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины:

Императорская Археологическая комиссия в дополнение к отношению своему от 20 мая сего года за № 1125 имеет честь препроводить при сем в Общество копию с отзыва Заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе статского советника Лёпера от 25 мая 1914 года за № 467 по содержанию заявления профессора А.А. Брандта.

Председатель Комиссии [23].

Предоставляем возможность ознакомиться с текстом обстоятельной служебной записки Р.Х. Лёпера, которая публикуется впервые. Она фактически представляет завершённую работу ученого, связанную с изучением древностей Херсонеса и поэтому интересна.

25 мая 1914 года

Заведующий раскопками в Херсонесе

в Императорскую Археологическую комиссию

№ 467

По поводу препровождённого мне в копии заявления проф. А. Брандта имею честь доложить нижеследующее.

Заявление проф. Брандта, судя по всем данным, относится к тому случаю, когда при раскопках внутри монастырской ограды между храмом св. Владимира и оградой монастыря к юго-востоку от храма обнаружена была хорошо сохранившаяся цистерна, совершенно подобная многим раньше раскопанным в Херсонесе, высеченная в скале и покрытая слоем хорошо сохранившейся красноватой цемянки. Слой цемянки в свою очередь покрыт был очень плотным и гладким слоем кремнезёма, обра-

зовавшимся, очевидно, от долговременного хранения сильно известковой воды в цистерне; этот гладкий, слегка блестящий покров и ввёл, по-видимому, в заблуждение проф. Брандта, дав ему впечатление «глазированных» плит.

Так как сама цистерна не представляла ничего особенного и кругом не оказалось никаких построек или остатков построек, заслуживавших того, чтобы оставаться открытыми, то решено было всё раскопанное пространство после окончательного исследования и обмера употребить под тачок для ссыпки земли, которая будет получаться от раскапывания соседнего пространства. Остатки бывшей по соседству «римской» бани, о которой упоминает и проф. Брандт, были очень жалки, значительная часть

Склад местных древностей

бани была уничтожена построенной на месте её небольшой церковью с могилами, от которой остались тоже только жалкие фундаменты.

Так как местность предполагена была к засыпке, то я распорядился для исследования стен и особенно для цистерны пробить штукатурку и очистить под нею скалу. Этой работой особенно заинтересовался М.И. Скубетов, так как несколько лет тому назад, при К.К. Костюшко [Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич – авт.], во время разбора подобной же цистерны, во дне её были обнаружены кирпичи, из которых некоторые оказались с клеймом римск[ого] легиона. Когда слой твёрдой красной цемьянки сняли, оказалось, что всё дно цистерны выложено кровельными плоскими черепицами, перевёрнутыми лицом вниз (а не плитами, как показалось проф. Брандту, и притом вовсе не глазированными); самое обнаружение этих черепиц возможно было только вследствие того, что снят был верхний слой цемьянки, т.е. начато было разрушение цистерны. Затем М.И. Скубетов сам выбил 2 или 3 черепицы целыми, что требовало и большого труда, и навыка в обращении с зубилом, и большой осторожности, так как плиты, т.е. черепицы, довольно тесно примыкали одна к другой и пространство между ними было залито очень твёрдой цемьянкой. И хотя на этих черепицах никакого клейма не оказалось, тем не менее, я велел рабочим перевернуть все черепицы, хотя бы разбивая их, так как нельзя было быть уверенным, что на ка-

кой-нибудь из них не окажется клейма, чего на самом деле не случилось. По снятии черепиц было исследовано устройство нижнего настила пола до скалы, оказавшееся настолько интересным, что М.И. Скубетов с моего одобрения принял за исследование пола и во всех почти остальных цистернах, оставшихся ещё не засыпанными, причём в некоторых из них оказалось три наслоения пола, каждый из толстого слоя цемянки и битых или цельных кирпичей и черепиц; на многих из кирпичей найдены клейма ранневизантийской эпохи с обозначением индиктионов.

Сравнивать с засыпкой Помпеи засыпку по большей части сильно разрушенных жалких и однообразных построек Херсонеса, главным образом византийского периода, можно, конечно, только с большой долей преувеличения. С другой стороны, оставлять всё раскопанное в том виде, как мы его находим, невозможно по многим соображениям.

1. Раскопки ведутся на территории, на которой живут, строятся, и конечно, чем более раскапывается, тем более стеснённым чувствует себя монастырь и справедливо мог бы требовать вознаграждения за землю, которая фактически от него отчуждается. С монастырскими властями постоянно приходится спорить и торговаться, так как они настаивают на первоначальных условиях, чтобы раскопанные места, если они не представляют особого научного интереса, засыпались и заравнивались. Ещё в прошлом году монастырь хлопотал о вознаграждении его за землю как занятую военными сооружениями, так и за приведённую в негодность раскопками. И недавно при посещении монастыря обер-прокурором Святейшего Синода (музея и раскопок не осматривавшего) монастырь жаловался, что раскопки стесняют его и портят его землю, и г. обер-прокурор будто бы высказался, что мы обязаны приводить место раскопок в прежнее состояние.

2. Если бы было решено не засыпать раскопанных частей города и кладбища, то нам некуда было бы свозить землю, так как нельзя или очень невыгодно отовсюду везти её в море: против того, чтобы сваливалась земля в бухту и прилегающую к ней часть моря, протестует инженерное ведомство, так как щебень, уносимый в бухту, засоряет фарватер для минной флотилии, стоящей в Карантинной бухте, и 4 года тому назад зимними бурями весь выброшенный нами летом в море щебень выбросило на трубу минной станции, находящейся рядом с музеем. Бросать на не раскопанные ещё места, конечно, не желательно. И в данном случае я крайне неохотно землю и щебень из первых помещений раскапывавшей внутри монастырской ограды площади вывез под откос, находящийся к югу от храма св. Владимира, заваленный уже толстым слоем щебня и камня со времени постройки храма и затем при раскопках здесь К.К. Костюшко; при расследовании же дальнейших частей раскапываемой площади я засыпал уже ранее раскопанные и возможно тщательно и до конца расследованные части. При этом я почти совершенно отказался от раскопок в городе плантажем, практиковавшихся К.К., и траншеями вследствие трудности исследования и нанесения на чертёж обрывков стен, принадлежащих одной постройке или одному слою, но находящихся в разных траншеях и на разных уровнях. Теперь мы раскапываем более или менее цельную часть квартала посылной и между раскапываемой в данное время и засыпаемой частями оставляем временно часть не засыпанной. Так и при раскопках в данной местности, когда монастырь настойчиво просил меня произвести здесь раскопки, давно уже тяготясь пустынным видом этой части монастыря, непосредственно прилегающей к самому храму, и желая довести до ограды сад, насаженный на не раскопанной площади к югу и юго-западу от храма, я уговорился с монастырём, что местность после раско-

пок будет вновь засыпана, за исключением тех построек, которые окажутся особо интересными.

3. Без разрушения построек, частями или даже иногда целиком, невозможно полное и детальное исследование раскапываемых кварталов. В Херсонесе сравнительно хорошо сохранились остатки только верхнего поздневизантийского слоя. Под стенами и полами этих построек часто имеются более или менее значительные остатки или только следы более ранних эпох: удавалось установить до 5-ти полов один под другим. Расследование нижнего слоя требует или немедленного удаления верхнего, или необходимости так подкопаться под верхний, что стены верхнего рано или поздно разрушатся, особенно где позднейшие стены поставлены на слой земли на засыпанной яме или древняя стена, будучи тонкой, чем позднейшая, проходит почти совершенно под ней или слишком близко от неё.

А раз пришлось разрушить более или менее значительные части верхнего слоя, в нижних, как бывает по большей части, остатки не представляют ничего цельного, то утрачивается смысл сохранять раскопанные части не засыпанными. Кроме того, представляется интерес разрушить какие-либо стены, если они стоят на слое земли, в котором можно ожидать какие-либо интересные черепки, или если в ней вложены какие-нибудь куски мрамора или архитектурные фрагменты, или если важно исследовать строение стены или пола, как было в данное случае. Если же какой-нибудь квартал предполагалось засыпать, то я руководился соображением, что вряд ли можно рассчитывать, что его вновь раскопают для исследования, и потому считал правильным снять все слои, мешавшие доследовать лежащее под ними, и сохранял нетронутыми стены, или лежащие на скале, или такие, относительно которых можно было быть уверенным, что разрушение их ничего не даст. И в данном частном случае только при разрушении цистерны можно было изучить устройство её пола и получить уверенность, что среди черепиц, употреблённых на кладку пола, не имеется черепиц с клеймами.

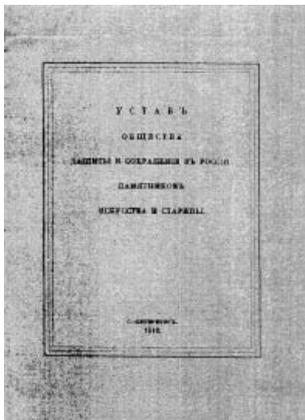
Хотя, согласно всему вышеизложенному, я признаю необходимость при известных условиях разрушать и засыпать остатки древних построек, однако, конечно, считал бы весьма желательным иметь возможность не засыпать раскопанных частей города и могил в возможно большем числе случаев, а потому просил бы ИМПЕРАТОРСКУЮ Комиссию подтвердить желательность подобного отношения к раскопанным местам для того, чтобы я мог при переговорах с монастырём и военным ведомством ссылаться на таковое официальное предписание ИМПЕРАТОРСКОЙ Комиссии.

Заведующий раскопками в Херсонесе Р. Лёпер [24].

Таким образом, данные документы проливают свет на малоизвестный аспект истории изучения древнего Херсонеса.

Источники и литература

1. См. подробнее: *Нагорняк К.И.* К истории деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины / К.И. Нагорняк // Сіверщина в історії України: зб.

Устав Общества

- наук. праць / Нац. заповід. «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К.; Глухів, 2010. – Вип. 3. – С. 38–41.
2. Устав Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины / Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. – СПб., 1910. – 20 с.
 3. Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. – СПб., 1913. – 44 с.
 4. Отчет о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. – СПб., 1914. – 35 с.; *Нагорняк К.И.* Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины: неизвестные страницы деятельности в Крыму / К.И. Нагорняк // Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма : матер. IV Междунар. научн. конф. / под ред. А.А. Непомнящего. – Новый Свет, 2012. – С. 76–80.
 5. *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование / Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – С. 228–229.
 6. *Непомнящий А.А.* Николай Эрнст и Николай Репников: К истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавства : зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШ. – К., 2011. – Вип. 19. – С. 142–159.
 7. См. подробнее: *Афанасьев В.А.* Федор Иванович Шмит. – К. : Наукова думка, 1992. – 216 с. ; ил.
 8. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (далее – ИИМК РАН), ф. 1, оп. 1 (1908 г.), д. 22, л. 86.
 9. *Басаргина Е.Ю.* К биографии Р.Х. Лёпера // История и практика археологических исследований: Матер. Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР профессора Александра Андреевича Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / под ред. Е.Н. Носова, И.Л. Тихонова : СПб. ун-т. – СПб. : издат. дом СПб. ун-та, 2008. – С. 228–231.
 10. *Зубарь В.М.* История изучения сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII – середине / третьей четверти XX вв. // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины. – Симферополь ; Керчь, 2005. – Вып. 10. – С. 295–359.
 11. *Басаргина Е.Ю.* Слово С.А. Жебелева, посвященное памяти Р.Х. Лёпера // Деятели русской науки XIX – XX ввек. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – Вып. 1. – С. 324–332.
 12. ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1 (1908 г.), д. 22, л. 71–74, 96–99.
 13. *Жесткова Г.И.* Коллекция расписных ваз из раскопок Р.Х. Лёпера в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический» // Херсонесский сборник / Нац. заповед. «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2006. – Вып. 15. – С. 59–81; *Шацко А.А.* История исследования цитадели Херсонеса // Херсонесский сборник / Нац. заповед. «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2003. – Вып. 12: Памяти Инны Анатольевны Антоновой. – С. 187–198.
 14. Центральный музей Тавриды, фонды, кп. 23036, д. 8751.
 15. ИИМК РАН, ф. 25, оп. 1, д. 183, л. 1–3.
 16. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 329, л. 1.
 17. Там же, ф. 25, оп. 1, д. 183, л. 3.
 18. Там же, ф. 1, оп. 1 (1908 г.), д. 22, л. 76, 89.
 19. См. подробнее: *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) / В.В. Калиновский ; под ред., вступ. ст. А.А. Непомнящего. – К. ; Симферополь : Антикава, 2012. – 340 с., ил. – (Серия : «Библиография крымоведения» ; вып. 18).
 20. ИИМК НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 1–1 об.
 21. Там же, л. 3.
 22. Там же, л. 6.
 23. Там же, л. 7.
 24. Там же, л. 8–11 об.

Непомнящий А.А. Товариство захисту та збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини та старожитності Херсонесу: нові джерела

На підставі нового корпусу документів із Наукового архіву Інституту історії матеріальної культури РАН розглянуто раніше невідомі сюжети взаємовідносин співробітників Складу місцевих старожитностей (Музею в Херсонесі) з монастирем Товариством захисту та збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини за посередництва Імператорської Археологічної комісії. Уперше оприлюднена службова записка керівника розкопок Р.Х. Лёпера, яка надає можливість простежити хід наукового вивчення пам'ятки.

Ключові слова: Товариство захисту та збереження в Росії пам'яток мистецтва та старовини; Херсонес, Р.Х. Лёпер, охорона культурної спадщини.

Nepomnyashchiy A.A. The society of the protection and conservation in Russia monuments of art and antiquities and ancient Chersonese: new sources

On basis of the new documents from the Scientific archive of the Institute of material culture history RAS previously unknown subjects of interrelations of the employees of the Warehouse of local antiquities (the Museum in Chersonese) with the monastery and with the Society for the protection and conservation in Russia monuments of art and antiquities with the mediation of the Imperial Archaeological Commission were disclosed. For the first time the office memo of the head of excavations R. C. Leper, revealing the course of archaeological research was published.

Keywords: the Society for the protection and conservation in Russia monuments of art and antiquities; the Chersonese, R. C. Leper, guarding of cultural heritage.

Подано до друку: 17.03.2013 р.

УДК 930.253:069 (477.75)

В.В. АКІМЧЕНКОВ

**Севастопольське музейне об'єднання
(1928–1940): невідомі сторінки діяльності**

Стаття присвячена історії формування та розвитку Севастопольського музейного об'єднання. Охарактеризовано роль цієї установи у розгортанні пам'яткоохоронної справи на території Кримського півострова. Виділено тенденції у сфері музейного будівництва Радянського Союзу в 30-ті роки ХХ ст.

Ключові слова: Севастопольське музейне об'єднання, Музей печерних міст, Інкерманський монастир, Д.М. Анкудінов.

Тенденції кінця 20-х – 30-х років ХХ ст. у сфері музейної справи Радянського Союзу мають свої специфічні риси, які вирізняються від інших етапів радянської історії. Політичний клімат тоталітарної держави визначав хід наукового прогресу, особливо у гуманітарних науках, і тим більше у музейництві, яке «потребувало» перебудови за соціалістичними принципами. Нескінченні «чистки» серед краєзнавців призводили до незворотних деформацій у науці. Нав'язана схема методології марксизму й інші насильницькі втручання та заборони спричинили надмірну заідеологізованість друкованих праць і звузили спектр наукових досліджень, що ускладнює вивчення тієї епохи.